

Отзыв

Официального оппонента на диссертацию Золотько Ольги Вячеславовны «Образ “золотого века” в творчестве Ф.М. Достоевского», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Творчество Достоевского, казалось бы, рассмотрено со всех сторон в мельчайших подробностях, что не предполагает каких-либо принципиальных поворотов в литературоведческих изысканиях. Тем не менее, содержательная многогранность и неограниченность эстетических миров открывает возможность их новых истолкований, качество которых во многом зависит – и рецензируемое исследование служит тому подтверждением – от степени адекватности в определении подлинной иерархии заключенных в них разнообразных тем, проблем, образов и избираемых при их изучении категорий и методов. Как справедливо замечает соискательница, образ и идеал «золотого века», встречающийся в различных контекстах на страницах художественных и публицистических произведений Достоевского, относится к числу фундаментальных в разгадываемой им «тайне человека» и исторического процесса и своеобразно объединяет метафизические, историософские, антропологические, идеологические аспекты его творчества.

Прежде чем перейти к обоснованию и непосредственному анализу заявленной темы, О.В. Золотько подробно рассматривает и систематизирует ее различные интерпретации (порою противоречащие друг другу) в книгах и статьях К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, Н. А. Бердяева, С.Л. Франка, М.М. Бахтина, В.П. Комаровича, А.С. Долинина, Г.М. Фридлендера, Н.И. Пруцкова, Г.К. Щенникова, Р.Г. Назирова, И.Ф. Бельчикова, К.А. Степаняна, Т.А. Касаткиной, С.Г. Семеновой, А.Б. Криницына, А.Г. Гачевой, В.Н. Катасонова и других отечественных и зарубежных исследователей с отличающимися мировоззренческими ориентациями. В столь широком и хронологически объемном исследовательском контексте соискательница формулирует и

успешно решает, используя культурно-исторический, сравнительно-исторический и психоаналитический методы, собственные цели и задачи, определяющие и новизну, и актуальность ее работы. Диссертация посвящена монографическому, полному и системному анализу образа «золотого века» в его генезисе и эволюции на основе суммирующего комплексного рассмотрения всех его проявлений в художественных и публицистических текстах Достоевского и подготовительных материалах к ним, а также привлечения соответствующих материалов из западной культуры. Образ «золотого века», как убедительного показано О.В. Золотко, формировался в творческом сознании Достоевского как своеобразное соединение и синтез различных его источников в мифологии, литературе, искусстве, философии, социальной мысли и обретал универсальное архетипическое содержание, одновременно функционально сочетаясь с индивидуальными свойствами и идеями отдельных персонажей и с вариативным отношением к нему самого писателя. При этом последовательно прослеживается связь этого образа с другими образами и мотивами в произведениях Достоевского, с типологией характеров в них.

В первой главе «Источники образа “золотого века” в творчестве Ф.М. Достоевского» диссертант определяет содержание понятий «золотой век», «рай на земле», «предания всего человечества» в прошлом, настоящем и будущем, разграничивает языческие, христианские и апокрифические аспекты в них, характеризует признаки утраченного и взыскиемого земного благоденствия в античной мифологии, в произведениях Гесиода и Овидия, в Ветхом Завете, в романе Сервантеса «Дон Кихот», в пейзажной живописи К. Лоррена, в эстетике Шиллера, в трудах социалистов-утопистов Фурье, Сен-Симона, Кабэ и других. В рецензируемой работе раскрывается многоконтекстуальная панорама проявлений отмеченных источников в сновидениях Ставрогина, Версилова и Смешного человека, в главках «Дневника писателя», в рассуждениях князя Мышкина, Шигалева, Ивана Карамазова, в диалогах персонажей «Подростка» и «Бесов», в параллелях между князем Мышкиным и Дон Кихотом, в понимании

«детскости» как прообраза чаемого совершенства и гармонии, в представлениях о развертывании истории от наивной гармонии через цивилизационный разлад к сознательному движению к «золотому веку».

Во второй главе «Анализ образа “золотого века” в творчестве Ф.М. Достоевского» последовательно анализируются контекстуальные, сюжетные, мотивационные, характерологические закономерности появления картин и идей «золотого века» в романах и «Дневнике писателя» Достоевского.

Так, «арифметическое» понимание социальной справедливости без определения ее качественного содержания, абстрактное представление о «всеобщем счастье» неотделимы в динамике характера Раскольникова от его убежденности в первенствующей роли господства и власти в мире людей и в необходимости насилия при «служении всему человечеству». Автор диссертации приходит к выводу, что тем самым как бы пролагается путь для визионерских теорий Шигалева и Великого инквизитора. В «Бесах» образ «золотого века» возникает в сопряжении с прекраснодушными либеральными упованиями Степана Трофимовича Верховенского, шигалевскими проектами насаждения «земного рая» и террористическими замыслами его сына, резко контрастирующими с реальными порочными свойствами этих мечтателей и персонажей. В работе аргументировано подчеркивается контраст в сновидении Ставрогина, сладострастно-волевое преступление которого оттеняется в душевно-духовном кризисе на фоне невинно-радостного безгрешного бытия. Сновидческая попытка раскаяния, обретения виртуально-эмоциональной гармонии и «счастья», потерянной связи с Богом, миром и людьми оказывается несостоятельной, онтологически бессильной, ибо этот персонаж «оторван от почвы», которая органично (и неrationально и искусственно с помощью «проб») вовлекает в сферу непосредственных христианских ценностей. По словам Достоевского, Ставрогин предпринимает «страдальческие судорожные усилия, чтобы обновиться и вновь начать

верить... Это человек не верующий вере наших верующих и требующий веры полной совершенно иначе».

В диссертации доказательно раскрывается, как сон о «золотом веке» с его принципиальными коннотациями переносится из исповеди Ставрогина в структуру романа «Подросток» и в идеальные искания Версилова, который в отрыве от почвы и христианского идеала не может «удержать красоты за собою». Он также стремится на свой лад добыть веру «иначе» и демонстрирует онтологическую расколотость внерилигиозного гуманистического сознания, пытающегося оформить «что-то неопределенное» в идеи абстрактной любви ко всему человечеству, высших достижений культуры, «живой жизни», «золотого века» (подобно тому как в XX веке Камю будет стремиться в своем «бунте» возродить утопическим «прыжком» союз «разума и солнечного света» в духе средиземноморского пантеизма). Версилов увидел чаемый «земной рай человечества» в прошлом «когда боги сходили с небес и роднились с людьми» среди ласковых волн и зовущего солнца на цветущем прибрежье греческого архипелага. Тогда люди обошли бы без «великой идеи бессмертия» и «весь великий избыток прежней любви к Тому, Который и был бессмертие, обратился у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою проходимость и конечность, и уже особенно, уже не прежнею любовью».

И здесь снова подчеркивается резкий контраст между неосуществимостью абстрактного идеала, неопределенностью «особенной» любви «проходимых» и «конечных существ», и реальным душевно-духовном состоянием «мечтателя» с его гордыней и эгоцентризмом. Придуманный Версиловым «свой идеал» Достоевский называет в черновиках «нечистым», ибо он связан с «самообожанием» и представлением о людях как о мышах. Подобно Ставрогину он безвозвратно потерял непосредственную и живую связь с

«почвой», питающей «чистый идеал» христианской веры и возвращающей экзистенциальную вовлеченность в ее атмосферу.

Рационалистическое самомнение мешает ему переступить «предпоследнюю верхнюю ступень до совершеннейшей веры», и все попытки преодолеть ее приводят его к однозначному выводу: «Друзья мои, я очень люблю Бога, но я к этому не способен». Как и Ставрогин, Версилов отдает себе ясный отчет, что без «прежней» конкретной любви к Богу и ближнему, без веры в бессмертие души всякая «великая мысль», отвлеченная любовь к дальнему и всему человечеству обесценивается и обессмысливается, оказывается непростительной иллюзией вследствие своей принципиальной неосуществимости, поскольку в реальной действительности и в каждодневном поведении не препятствует проявлению гордыни, властолюбия, сластолюбия, завистливого соперничества и т.п. свойств «натурь» (становясь порою их красивой оболочкой), ярким примером чему является он сам. Теоретическое добро и нравственные императивы подрываются в его сознании убежденностью, что человек органически не способен любить своего ближнего: «Тут какая-то ошибка в словах с самого начала, и “любовь к человечеству” надо понимать лишь к тому человечеству, которое ты же сам и создал в душе своей (другими словами, себя самого создал и к себе самому любовь) и которого, поэтому, никогда и не будет на самом деле». В сниженно-материалистическом взорении на людей как на «мышей», «вшей», «тварей дрожащих» он сближается с Раскольниковым и убеждает сына: «Люди по природе своей низки и любят любить из страха, не поддавайся на такую любовь и не переставай презирать. Где-то в Коране Аллах повелевает пророку взирать на “строптивых” как на мышей, делать им добро и проходить мимо – немножко гордо, но верно». Противоречие между «великой мыслью» и непосредственным мирочувствием лежит в основе крайней раздвоенности внутреннего мира Версилова, способного «чувствовать преудобнейшим образом два противоположных чувства в одно и то же время». Отсюда его двойная жизнь в

иждивенчестве и игре, которая едва не заканчивается убийством и самоубийством и как бы символически обобщается состоянием одержимости и раскалыванием иконы надвое.

О.В. Золотко отмечает и состояние духовного кризиса, потерю осмысленности существования, внутренней опустошенности и безразличия и персонажа «Сна смешного человека». Онтологическая ущербность и эгоцентрическая неспособность к конкретной и деятельной любви (по Достоевскому, психологическое основание ада в мире людей) как бы компенсируются у Смешного человека грезами о человеческом рае, проповеди любовного жизнеустройства, хотя он уверен в ее нереализуемости: «Главное – люби других, как себя, - вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь, как устроиться. А между тем это только старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же! ...» И не сможет ужиться, утверждает Иван Карамазов, почти дословно совпадая с Версиловым: «Я никогда не мог понять, как можно любить всех ближних: именно ближних, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних... Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое — пропала любовь... По-моему, Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо. Правда, он был Бог. Но мы-то не боги... Отвлеченно еще можно любить ближнего и даже иногда издали, но вблизи почти никогда».

Акцентирование абстрактных мечтаний о гуманистическом всеблаженстве и «золотом веке» при отсутствии деятельной и конкретно-жертвенной христианской любви начиная с известной записи «Маша лежит на столе» 1864 г. становится в творчестве Достоевского одним из самых фундаментальных. «Возлюбить человека как самого себя, по заповеди Христовой – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому и стремится и по закону природы должен стремиться человек».

«Закон Я», не исцеленный христоподобным «законом любви», и стал своеобразной раскольниковской «скверной трихиной», которую внес в иллюзорную сновидческую гармонию Смешной человек, как бы вслед за Адамом. В самообожествлении Первочеловека, возжелавшего стать «как боги», выразилась, говоря словами персонажа «Сна...», «красота лжи», поскольку подлинное и абсолютное величие оказалось невозможным из-за отсутствия необходимых и достаточных для этого средств. Адам стал богом, но только ложным, так сказать, без атрибутов божества, возжелавшим, говоря словами героя «Записок из подполья» «по своей глупой воле пожить» «смешным человеком», задавшим в соединении зависти, гордыни, эгоцентризма и основанного на нем, служащего ему знания, ритму и структуре «начала» и «конца» «закона Я», показанные в «Сне смешного человека» и естественно пронизывающие все творчество Достоевского.

Это всесилие «закона Я», «темной основы нашей природы», при его неисцеленности «законом любви» и в отрыве от «вековечного идеала», превращает любой «свой идеал» в «нечистый», в уничтожающую и самоуничтожимую утопию «золотого века», что и демонстрируют на контрасте реальные свойства личности сновидцев и мечтателей и что особо подчеркнул на основе анализа произведений Достоевского Вл. Соловьев: «Пока темная основа нашей природы, злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою, — пока эта темная основа у нас налицо — не обращена — и этот первородный грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее дело и вопрос что делать не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей, слепых, глухих,увечных, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздается вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления <...> Истинное дело возможно, только если и

в человеке и в природе есть положительные и свободные силы света и добра; но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеют».

Это фундаментальное понимание, что зло залегает в человеческой природе глубже, чем полагают «лекари-социалисты», что «ненормальность и грех» исходят из самой человеческой души заставляло Достоевского переосмысливать свои ранние идеальные увлечения и вообще всякие атеистические цивилизационные мечтания о земном всеблаженстве, что, как констатируется в диссертации, не всегда учитывается рядом литературоведов, склонных к отождествлению взглядов автора и персонажей. Как нам кажется, Достоевский, - приходит О.В. Золотко к убедительному выводу, - передает своим героям (Ставрогину, Версилову, Смешному человеку) собственную мечту, но от которой он в какой-то степени дистанцировался. Именно поэтому каждый раз образ «золотого века» читатель видит из точки зрения определенного персонажа, и наполнен пафосом, характерным именно для данного героя. В публицистике о «золотом веке» писатель говорит под маской вымышленного лица, Парадоксалиста. Возможно, так он высказывает убеждения, намеренно дискредитируя их сомнительной репутацией героя, чтобы обратить читателя к самостоятельному осмыслению образа» (с. 192).

Думается, что в таком выверенном выводе можно было бы понизить степень осторожности («как нам кажется», «возможно») и повысить степень дистанцированности Достоевского от возрожденческо-гуманистических местоимений, что вытекает из глубинного постижения им «тайны человека», законов и противоречий духовной жизни и их продумывания до конца, до «последней смысловой позиции» (М.М. Бахтин).

В контексте наступления власти денег и удушающего прагматизма, безоглядного позитивизма и социал-дарвинистских ценностей, создающих питательную среду для укрепления «темной основы нашей природы с ее законом Я» донкихотская вера в «золотой век», даже вера в «Большую медведицу» приобретает в логике писателя положительной значение, если она

выводит людей из низин бытия и устремляет их к «великому» и «высшему». В абсолютном же, а не относительном контексте ход истории, вытекавший из парадоксов человеческой природы, показывал ему, что без исцеления «закона Я» «законом любви» и обретения «положительных сил добра и света в полноте «вековечного христианского идеала» в сердцах и умах деятельных людей всякий самочинный «свой идеал», «великая мысль» или мечта о «золотом веке» претерпевают вполне определенные метаморфозы при отсутствии «высшего реализма» в понимании конечности человеческого удела. Особое внимание при этом Достоевский уделяет высшесмысловому измерению, без которого гуманистические «великодушные идеи» испытывают понижающее воздействие «закона Я» и в конечном итоге нигилистическую трансформацию. По его выстраданному убеждению, в «глуби-высоте сознания» (выделяемое М.М. Бахтиным в сопоставлении с подсознанием принципиальное психоонтологическое измерение) находятся (хотя и не всегда выведены на его поверхность) требования абсолютной разумности, с которыми вступает в безотчетный конфликт ощущение их бытийной ущербности и реальной неосуществимости для всякой конкретной личности в иллюзорных вариантах разнообразного будущего (капиталистического, коммунистического, творческого, технократического, на Греческом архипелаге, на далекой звезде и т.д.) невольно заставляет человека задумываться (с разной степенью отчетливости и вменяемости) над тем, что «жизнь человечества в сущности такой же миг, как и его собственная, и что назавтра же по достижении «гармонии» (если только верно, что мечта эта достижима) человечество обратится в тот же нуль, как и он, и силою косных законов природы, да еще после стольких страданий, вынесенных в достижении этой мечты, - эта мысль возмущает его дух окончательно, именно из-за любви к человечеству возмущает, оскорбляет его за все человечество и по закону отражения идей – убивает в нем даже самую любовь к человечеству».

Закон таинственного отражения «великодушных» идей, превращения «друга человечества» в его «людоеда» Достоевский выводил и из осмыслиния собственного увлечения «новыми идеями» всеобщего братства людей, которые казались святыми и нравственными, а при ближайшем рассмотрении оказывались «мечтательным бредом», оборачивались безумием, разрушением и хаосом.

Потому вполне закономерны и другие выводы соискательницы о функциональном значении образа «золотого века» в произведениях Достоевского. «Писатель показывает, как идеал “земного рая” может фантастически умерщвляться именно теми, кто видит в нем конечную цель (Шигалев, Великий инквизитор)» (с. 96). Или вывод более общего характера: «Образ “золотого века” как сложивший мотивационный и идейный комплекс “подходит” героям, имеющим общие черты: оторванность от почвы, космополитизм, близость к “подпольному типу”, неспособность любви к ближнему, тоска по “живой жизни” (с. 212).

Когда речь заходит о том, насколько автор разделял хилиастические и эвдемонические представления таких героев, которые были для него не только «мечтательным бредом», но и «высоким заблуждением» (за него, как говорил Версилов, люди и целые народы идут на смерть), важно упомянуть наряду с законом отражения идей «золотого века» также выделенный Достоевским и закон их искажения, «волочения по улице», также обусловленный «темной основой нашей природы». Когда эти идеи «попадают на улицу, благородство и чистота помыслов тех, кто взыскивает равенства и братства могут искажаться одной только торопливостью в обобщениях, принятием гипотез за несокрушимые аксиомы, бездумным воплощением без должного анализа. И тогда к ним примазываются «плуты, торгующие либерализмом, или интриганы, намеревающиеся грабить, но придающие своим намерениям «вид высшей справедливости». И в конце концов «смерды направления» доходят до

убеждения, что «денежки лучше великодушия» и что «если нет ничего святого, то можно делать всякую пакость».

По убеждению Достоевского, неизбежное соскальзывание, снижение, измельчание, замутнение «великодушных идей» обусловлено их онтологической неукорененностью, содержательной неопределенностью и смысловой незавершенностью, невниманием к глубинным проблемам несовершенства и «недоделанности» человеческой природы и свободы, которая способна, как это видно из анализа главок «Дневника писателя» «Золотой век в картине» или «Что на водах помогает: воды или хороший тон?» превращает драматическое «высокое заблуждение» в подобие «золотого века», в «игру в рай», в этикетный хороший тон, в преобладание формы над содержанием.

О.В. Золотко справедливо отмечает, что в анализируемых ею произведениях автор не высказывает прямую своего отношения к идеи «золотого века», как бы распределяя ее по отдельным персонажам, используя вымышленных рассказчиков, сновидения, фантастические и иносказательные формы, прибегает к иронии, двусмысленности и недосказанности и не выражает открыто собственного идеала. Однако именно этот идеал, который не входит очевидным образом в образ «золотого века», но к которому, по убеждению Достоевского, должен стремиться человек для преодоления собственной недоделанности и недосиженности, составляет фундаментальный подтекст и контекст этих произведений и как бы от противного освещает и характеризует, «комментирует» ее признаки и метаморфозы, а также самих ее носителей – «мечтателей». На сто верст кругом, удручаются рассказчик в «Бесах», не было никого похожего хотя бы с виду на будущего члена «всемирно-общечеловеческой республики и гармонии». А Верховенский отец вопрошают сына: «Да неужто ты себя такого, как есть, людям взамен Христа предложить хочешь?»

Вопрос Степана Трофимовича Достоевский считал основным для судеб различных модификаций идеи «золотого века» и полагал, что без Христа

возведение Вавилонской башни закончится антропофагией. По его убеждению, отклонить отдельную личность, целый народ или всё человечество от такого маршрута может лишь живая жизнь «с Богом», выводящая за границы «темной основы нашей природы». Только абсолютный идеал, его духовная высота, нравственная глубина и смыслополагающая сила стирают в душе все относительные идеалы и идолы и благодатно помогают людям не довольствоваться своей греховной природой, а стремиться к ее преображению, очищают корыстолюбиво-разрушительные побуждения натуры и переводят их в созидательно-человеческую плоскость. Таким идеалом, соединяющим непосредственность и непобедимость ощущения высшей красоты и подлинной духовной гармонии, делающим отказ от «натуральных» движений собственной воли «самовольным» и «естественным» была для писателя личность Христа, Богочеловека с его совершенной любовью, которая является выражением предельной свободы и одновременно величайшим самостеснением, жертвой, победой над Адамовой натурой. По его заключению, только свободно выбранная (а не учрежденная или навязанная) христоподобная любовь (и большая или меньшая способность вместить ее в чистом сердце), которая единственно может одолевать волевые импульсы и желания «закона Я», ибо не завидует, не гордится, не превозносится и «не ищет своего», и живет в личности органично и реально, а не существует только в уме доктринально и декларативно, способна преобразить «темную основу нашей природы» и активизировать в ней «положительные силы добра и света».

С «вековечным идеалом» в фундаментальной основе, определяющей отношение Достоевского к теме «золотого века» и расстановок акцентов в ее интерпретации, непосредственно связаны вопросы «последней смысловой позиции» и «бессмертия души».

На с. 201 диссертации соискательница правомерно отмечает: «Образ “золотого века” во всех произведениях оказывается связан с такими важнейшими для писателя проблемами этики, как существование Бога и

бессмертие души». Можно было бы эту важность показать более развернуто и системно.

Как подчеркивал М.М. Бахтин, «Достоевский сделал дух, то есть последнюю смысловую позицию личности предметом эстетического созерцания... Он продвинул эстетическое видение вглубь, в новые глубинные пласти, но не в глубь бессознательного, а в глубь-высоту сознания» .

По Достоевскому, в «глубинных пластиах» человеческого духа спит, дремлет или бодрствует самый главный вопрос: кто есть человек – продукт стихийной игры слепых сил природы, «свинья естественная», как утверждает, например, Ракитин в «Братьях Карамазовых», или образ и подобие Божие? Если человек со всеми своими духовными устремлениями и нравственными страданиями принимает себя, опираясь на материалистическую гипотезу, лишь за мышь (вспомним Версилова), пусть и «усиленно сознающую мышь» (по словам героя «Записок из подполья»), тогда нелогично надеяться на какой-то «золотой век», братство и любовь среди людей. (Человек произошел от обезьяны, следовательно, люди должны любить друг друга – так вслед за Достоевским иронизировал Вл. Соловьев над абсурдным силлогизмом, неправомерно сочетавшим моральный редукционизм материалистического мировоззрения с эвдемоническим человеколюбием).

И, напротив, если человек воспринимает себя как образ и подобие Божие, тогда он удовлетворяет глубинную, более или менее осознанную потребность в не теряющем со смертью смысле своего существования, а все специфические человеческие, духовные и нравственные свойства, слитые с действенной памятью Первообраза и его заповедях, становится, по Достоевскому, не внешней условностью, а внутренней, свободной и положительной силой, способной преодолевать природный тип биологического отбора, превозмогать иго натуральных страстей, гедонистических склонностей, властных притязаний, господствующей конъюнктуры, своекорыстности расчетов. По его неизменному убеждению, от смутно ощущаемого или явно осознаваемого

ответа на главный вопрос о собственной сущности, с разной степенью отчетливости и вменяемости дающий о себе знать, зависит вольное или невольное предпочтение определенных ценностей, направление воли и желаний, та психологическая доминанта, которая в конечном итоге предустанавливает и активизирует идейный выбор или конкретный рисунок жизни, пребывание в «законе Я» или «законе любви».

«Роковой и вековечный вопрос о необходимости понятия бессмертия души для прогресса», - заключает писатель, как бы объясняя еще раз упомянутый ранее закон отражения идей «золотого века» и соединяя проблемы религии и высокой метафизики с ходом эмпирической истории и конкретной деятельностью людей. «Представьте себе, - замечает он в одном из писем – что нет Бога и бессмертия души (бессмертие души и Бог – это все одно, одна и та же идея). Скажите, для чего мне надо жить хорошо, делать добро, если я умру на земле совсем? Без бессмертия то все дело в том, чтобы только достигнуть мой срок, и там все хоть гори. А если так, то почему мне (если я только надеюсь на мою ловкость и ум, чтобы не попасться закону) и не зарезать другого, не ограбить, не обворовать, или почему мне если уж не резать, так прямо не жить за счет других, в одну свою утробу?»

Опыт, однако, показывал Достоевскому, что коноводы разворачивающихся в его время капиталистических и коммунистических проектов «земного рая», уповающие на разум или науку, здравый смысл или прагматизм, права человека, равенство и братство, склонны были игнорировать «невидимые» законы духовной жизни и в их числе – «роковой вопрос». Он неоднократно высказывает альтернативу идее «золотого века» и утверждает, что высшая идея на земле лишь одна и все остальные, занимающие ум и сердце человека «высшие идеи» жизни, лишь из нее одной вытекают. Более того, эта «высшая идея» есть «единственный источник живой жизни на земле – жизни, здоровья, здоровых идей и здоровых выводов и заключений», ибо тогда человек

постигает неразрушимый смысл своего существования, а надежда на вечную жизнь еще крепче и дружественнее соединяет его с землей и другими людьми»

Таким образом, как бы заключает Достоевский свою логику (она противоположна версиловской) в антропологическом измерении художественно-философской мысли и идеи «золотого века», если человек есть образ и подобие Божие, а его жизнь освещается абсолютным идеалом; тогда он удовлетворяет глубинную потребность («последнюю смысловую позицию») в личном бессмертии, обретает ту полноту сознания, успокоенность сердца и направленность воли, то психическое здоровье, которое позволяет ему выйти из-под ига неутолимых устремлений и мучительных колебаний «темной основы нашей природы», соразмерно-пропорционально относиться к земным делам, не преувеличивать ближайшие жизненные цели и не превращать их в источник явного или неявного соперничества с другими людьми в «законе Я», а использовать для согласия и единства в «законе любви».

Мы позволили себе столь пространное и подробное освещение антропологического и историософского фундамента творчества Достоевского, поскольку он является незримым его центром, включая и обозреваемые в диссертации произведения, хотя и выведен автором за пределы их системного построения. Тем не менее именно он позволяет внести дополнительную ясность в понимание соотношения позиций автора и его персонажей в их восприятии образа «золотого века», в смешение в нем при жизнеустройстве «без Бога и без Христа» утопических и антиутопических элементов, «высокого заблуждения» и «мечтательного бреда», его функционирования в самых резких контекстах, сюжетах, мотивационных установках и характерах, в выбор соответствующих художественных средств и приемов изображения.

Несомненной заслугой глубоко продуманного и тщательно исполненного серьезного исследования О.В. Золотко является как раз то, что, раскрывая полноту и многозначность заявленной темы в самых разных плоскостях и сочетаниях ее элементов, оно «подсказывает» возможности рассмотрения ее

выводов в новых аналитических орбитах как при изучении творчества Достоевского, так и других писателей, в частности, практикующих жанры утопий и антиутопий. Основательная проработка текстов писателя, умение организовать и представить их в ракурсе избранной темы, тонкие переклички и параллели, которые соискательница обнаруживает на самых разных уровнях его творческого наследия позволяют ей аргументированно, доказательно и убедительно раскрыть генезис, структуру и различные измерения образа «золотого века», показать его своеобразную центральность, историософскую и социальную, эстетическую и психологическую широту и размытость, уникальную вместимость, включающую в себя проблемы самых разных героев, интегрирующие одновременно локальные и фундаментальные конфликты бытия.

Проделанная диссиденткой подробная и последовательная работа, ее наблюдения и выводы дают возможность вносить разного рода уточнения в такие принципиальные для творчества Достоевского вопросы и темы, как соотношение христианской и гуманистической идеологии, сущность зла и смысл страдания, свобода и своеволие, деятельная и абстрактная любовь, единичное и абстрактное добро, всеобщая вина и искупление, «положительно-прекрасный человек», «восстановление погибшего человека», «житие великого грешника», взаимосвязь между преображением отдельной личности и обновлением всего человечества, вносить дополнительные измерения в характеристики весьма выразительных, но трудных для адекватного анализа без учета законов духовной жизни типов шутов, лгунов, гордецов, «смиренных» или «странных» фигур», уяснить значение аффективированной атмосферы дружбы-вражды, любви-ненависти, скандалов-разрывов, густо населяющих произведения писателя.

Нельзя не подчеркнуть и научной добросовестности автора диссертации, четкости определения исходных посылок, последовательности доказательств, строгой аргументированности выводов, которой направленности в

отечественном и зарубежном литературоведении, объективности анализа сложных явлений без всякой односторонности и прямолинейности.

Автореферат и опубликованные по теме диссертации статьи полно и адекватно отражают ее основное содержание. Рецензируемая работа имеет и практическое значение: ее результаты и материалы могут быть использованы в лекционных курсах по творчеству Достоевского и истории литературы, в соответствующих спецкурсах и спецсеминарах, а также в разнообразных учебных пособиях и академических исследованиях, затрагивающих сходную проблематику.

Таким образом, есть все основания заключить, что диссертация О.В. Золотыко «Образ «золотого века» в творчестве Ф.М. Достоевского» является научно-квалификационной работой, полностью соответствующей п. 9,10 Положения о присуждении ученых степеней и требованиям к кандидатским диссертациям по специальности 10.01.01. – русская литература. В ней успешно решены существенные для достоевсковедения и филологической науки цели и задачи, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук.

Зав. кафедрой зарубежной литературы

Литературного института имени А.М. Горького,

доктор филологических наук, профессор

Тарасов Б.Н.

11.05.2017

Подпись Татьяна
заверяется.

Нач. отдела кадров
Крижановская Л.И.

Тарасов Борис Николаевич
доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»
адрес рабочий: 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25
тел.: 8 (916) 812-99-64
e-mail: bntarasov@yandex.ru

Публикации

Монографии

1. Достоевский и современный мир. М.: Московские учебники, 2013. 328 с.
2. Pascal et la culture russe. Paris: Classiques Garnier, 2016. 354 р.
3. «Тайна человека» и тайна истории: непрочитанный Чаадаев, неопознанный Тютчев, неуслышанный Достоевский. СПб.: Алетейя, 2012. 352 с.

Статьи

1. Метафизика денег в творчестве Бальзака и Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Т. 13. Петрозаводск: ПГУ, 2015. С. 198–233.
2. Тайна человека в творчестве Достоевского и русской религиозной философии // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. Т. 17. № 2. СПб.: РХГА, 2016. С. 179–192.